

М.В. Шкаровский

ПАСТОР ОКТАВ СИМОН И ЕГО СЛУЖЕНИЕ В СТРЕЛЬНЕ И ЛЕНИНГРАДЕ

Биография и самоотверженная пасторская деятельность Октава Вильгельмовича Симона была связана с окормлением прихода святых апостолов Петра и Павла в Стрельне и общины русских лютеран в Северной столице России. Он родился 19 апреля 1894 г. в Риге в семье лифляндского немца, работавшего бухгалтером, детство провел в Москве, где в 1913 г. окончил частную гимназию. Юноша посещал лютеранскую церковь свв. Петра и Павла (Старосадский пер., 7/10), в которой был конфирмирован в 1911 г. В 1914–1918 гг. он учился на богословском факультете Юрьевского (Дерптского) университета, но не успел закончить его из-за революционных событий. В начале 1918 г. Октав Симон вернулся из Юрьева в Москву, работал делопроизводителем Московского пролетарского университета и Московского общества потребителей, в 1919–1920 гг. около года трудился в кооперации в Самаре, а в 1920–1922 гг. вновь проживал в столице, не имея определенных занятий.

Еще в 1915 г. будущий пастор примкнул к Московскому христианскому студенческому кружку под руководством В.Ф. Марцинковского, своего преподавателя литературы в гимназии. В 1921 г. он впервые был арестован Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем по делу Христианского студенческого кружка, заключен в московскую тюрьму, но через две недели освобожден. С 1922 г. он учился на открытых в тот период в Петрограде Лютеранских курсах проповедников, которые успешно окончил в 1925 г. Весной 1924 г. Октав Симон был ординирован и с этого времени до своего ареста в мае 1935 г. непрерывно служил пастором в церкви святых апостолов Петра и Павла в Стрельне под Ленинградом¹.

Следует подробнее остановиться на истории этого храма. В 1812 г. великим князем Константином Павловичем была основана немецкая Стрельнинская колония и в том же году образован приход. В 1813 г. в течение нескольких месяцев была построена деревянная церковь, освященная 13 ноября. В 1818 г. в трех верстах от кирхи были построены пасторат и здание школы. Вместо обветшавшего храма в 1874–1875 гг. под руководством пастора А. Локкенберга была сооружена новая кирха, освященная 23 августа 1875 г. В 1896 г. построили новую школу, а в 1905 г. каменный дом для учителя. В Стрельне также находились лютеранский приют Магдалиниум и богадельня Бетезда с домовою церковью (закрытой в 1922 г.). К кирхе был приписан молитвенный дом в немецкой колонии Кипень. В 1904 г. в общине насчитывалось 1100 прихожан, в подавляющем большинстве немцев, но в том числе и 110 эстонцев. Пастором церкви с 1916 г. служил Гельмут Ганзен, ставший в дальнейшем настоятелем Петрикирхе и арестованный 17 декабря 1929 г. Октав Симон несколько лет служил вместе с Ганзеном, с которым его связывали дружеские отношения. Так, в списках священнослужителей Стрельнинской волости Троцкого (Гатчинского) уезда за 1924 г. имеются сведения о службе обоих пасторов. В списке церковей Урицкого района от 10 июля 1928 г. говорится, что в приходе церкви святых апостолов Петра и Павла имеется 400 прихожан, а священнослужителем является Октав Симон².

Октав Симон также был тесно связан с общиной русских лютеран Иисуса Христа, которую возглавляли пасторы Курт Мусс и Гельмут Ганзен. Еще в апреле 1924 г. Октав Симон стал приглашенным пастором в ней. В 1929 г. община Иисуса Христа получила в свое единоличное пользование большую церковь св. Михаила на Васильевском острове. К этому времени русский приход стал заметным явлением в религиозной жизни огромного города. Он вырос в несколько раз за счет лютеран и православных. Так, в детских кружках общины занималось примерно столько же учащихся — около 100, сколько и в крупнейшем лютеранском приходе св. Петра (во всех других церквях, как правило, имелись лишь одна-две группы из нескольких детей)³. Летом члены детских кружков выезжали в Стрельну, где жили в приходских домах под наблюдением Октава Симона.

В конце 1929 г. органы ОГПУ сфабриковали крупномасштабное дело Ганзена–Мусса, по которому было привлечено 86 человек, причем 72 из них осудили. Значительную часть арестованных составляли члены русской общины Иисуса Христа, в том числе все 19 руководи-

телей детских групп. Пастора Курта Мусса обвинили в том, что он «являлся активнейшим руководителем и вдохновителем организованной им контрреволюционной подпольной организации, обрабатывающей молодежь в шовинистическом антисоветском духе, систематически занимался агитацией, направленной против советской власти. Под его руководством члены организации преподавали несовершеннолетним религиозные вероучения в организованных для этой цели подпольных кружках молодежи»⁴.

Для советской власти безбожие и религия не имели равных прав на существование, и пастор вместе с прихожанами был признан виновным во всех предъявленных ему обвинениях. 17 сентября 1930 г. тройка Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе приговорила К. Мусса к 10 годам лагерей, а большинство руководителей детских кружков — к 3 годам лагерей и 3 годам ссылки⁵.

Репрессии нанесли тяжелый удар, однако не прекратили существования общины Иисуса Христа. Всю первую половину 1930-х годов она продолжала оставаться в церкви св. Михаила, приглашая для службы пастора Октава Симона. Традиции, заложенные Куртом Муссом, сохранялись. Конфирманты по-прежнему устраивали дружеские встречи, регулярно посещали богослужения и выполняли церковные обязанности. В период массового закрытия храмов и репрессий верующих это казалось необычным даже некоторым лютеранским пасторам. Так, латышский священник Юлий Залит на допросе в ОГПУ 3 февраля 1934 г. показал: «...молодые конфирманты обыкновенно после конфирмации расходятся и теряются, только редко кто посещает церковь. Исключение составляет молодежь в церкви св. Михаила на Васильевском острове, где службы на русском языке. Там все держатся вместе, руководимые органистом, на праздниках выступают хором, несут работу по обслуживанию церкви, сами вывозят снег и собирают деньги для уплаты, если нужно, извозчику. Церковь обслуживается переменным составом пасторов, ибо ждет возвращения своего осужденного пастора Мусса»⁶.

Постепенно тучи над общиной сгустились. В июле 1933 г. был запрещен колокольный звон, а через несколько месяцев власти наметили снять и переплавить «на нужды индустриализации» единственный колокол весом 640 кг. К счастью, он уцелел и после войны, в 1946 г., был передан православной церкви на Смоленском кладбище. Из года в год возрастал налоговый гнет, чтобы несколько смягчить его, при-

ходской совет разрешил пользоваться церковными помещениями общинам евангельских христиан и адвентистов седьмого дня, взявшим на себя часть расходов. Но это был лишь временный выход⁷.

Новая массовая волна репрессий захлестнула лютеранские общины в 1935 г. Убийство в декабре 1934 г. первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Кирова было использовано для нагнетания ширококомасштабной кампании террора. Она затронула все слои населения, но особенно пострадали духовенство и верующие. Гонения на церковь в 1935–1938 гг. шли по нарастающей. В 1937 г. председатель Центрального совета Союза воинствующих безбожников Е. Ярославский заявил, что «религиозные организации — единственные легальные реакционные вражеские организации», а другой член руководства союза Ф. Олешук писал: «Реакционные церковники действуют в одном направлении с троцкистско-бухаринскими шпионами и диверсантами, буржуазными националистами и прочей агентурой фашизма»⁸. Естественно, немцев было легче всего обвинить в фашистской деятельности.

Весной 1935 г. в Ленинграде произошло массовое выселение «чуждого населения» — так называемый «Кировский поток», в число жертв которого вошло много активных прихожан и священнослужителей. В апреле-мае были арестованы сразу шесть пасторов, причем четверо из них — Симон, Воль, Приб, Ассмус, а также прихожанка Евгения Витолин были осуждены по одному делу. Из них наиболее значительную роль играл пастор Октав Симон, который в 1930–1935 гг. из-за нехватки священников, помимо церквей св. Михаила и свв. Петра и Павла, обслуживал также ленинградские кирхи св. Екатерины, св. Анны и общины в Урицке (Лигово) и Кипени.

Арестованного 17 мая Октава Симона обвинили в передаче в 1930 г. германскому консулу через епископа Артура Мальмгрена письма проповедника-менонита Генриха Тевса. Последний приезжал в Ленинград из Самары и описал в своем послании бедственное положение подвергаемых раскулачиванию немецких колонистов Поволжья. Другим обвинением явилось получение материальной помощи из-за границы — от Мартин-Лютер-Союза, Международного Красного Креста, пастора Фастена из Риги и т.д.⁹ Письма пастора заграничным церковным организациям об оказании материальной помощи нуждавшимся священникам и прихожанам были приравнены к шпионажу.

В подобных «преступлениях» обвиняли и других священников, в частности Самуила Воля, служившего в церкви св. Анны и аресто-

ванного 23 апреля 1935 г. На допросе Воль говорил: «Церковь св. Анны являлась одной из привилегированных, так называемой аристократической церковью, поэтому Германское консульство теснее всего связано с церковью св. Анны <...> Когда производилась чистка Ленинграда от бывших людей, особенно это отразилось на церкви св. Анны, из прихода которой выслали много людей, а двадцатка почти совсем разгромлена <...> Когда же становилось известно о высылке того или иного прихожанина, я во время богослужения в церкви с кафедры объявлял, что помолимся за такую-то семью, которая должна была оставить Ленинград»¹⁰.

Еще один обвиняемый по данному делу — Альфред Приб — служил пастором-адьюнктом в кирхах св. Михаила, св. Екатерины и св. Анны. Еще в 1931 г. он хотел выехать в Германию к проживавшему в Лейпциге родному брату, но не получил разрешения властей. Именно заграничные контакты священника привлекли внимание органов ОГПУ. Наконец, последним арестованным был пастор Вольдемар Ассмус, который служил в церквях колоний Овцыно и Ново-Парголово (Шувалово), но затем был призван в тыловое ополчение в Мурманскую область. Во время кратковременного приезда в Ленинград священник посетил Артура Мальмгрена и после беседы с епископом 22 мая 1935 г. был арестован. Приговор по делу был вынесен 1 ноября 1935 г. Специальная коллегия Ленинградского областного суда приговорила Симона к 6 годам лишения свободы, Ассмуса и Воля — к 4 годам лагерей, а Приба — к 4 годам ссылки¹¹.

Вскоре после ареста пастора Октава Симона были закрыты обе церкви, в которых он в основном служил. Кирха свв. Петра и Павла в Стрельне оказалась закрыта 23 октября 1935 г. Ее здание передали под колхозный клуб, и оно не сохранилось¹². В Государственном архиве РФ хранится дело о закрытии церкви, где имеется план кирхи с описанием помещения¹³.

1 августа 1935 г. президиум Леноблисполкома принял решение о закрытии церкви св. Михаила и передаче ее здания под библиотеку, но из-за сопротивления верующих, написавших жалобы в различные правительственные инстанции, богослужения в храме продолжались еще полмесяца. Наконец, 15 августа председатель приходского совета А. Сцитник, не видя возможности уплатить непомерные налоги, был вынужден сдать ключи от церкви представителю районного совета. Заметно поредевшая от репрессий община русских лютеран прекратила существование¹⁴.

На допросах Октав Симон вел себя мужественно и отрицал предъявленные обвинения в контрреволюционной деятельности (по ст. 58-6 и 58-10 Уголовного кодекса РСФСР). После вынесения приговора он подал кассационную жалобу, но определением Специальной коллегии Верховного Суда РСФСР от 2 января 1936 г. приговор был оставлен в силе. Пастор отбывал срок в Беломорско-Балтийском лагере, в декабре 1939 г. был переведен в Сегежский лагерь (Карелия). Предположительно здесь, отбывая заключение, Октав Вильгельмович Симон и скончался. Место его захоронения неизвестно. Пастор был реабилитирован в 1992 г.

1. АУФСБ СПб ЛО. Ф. архивно-следственных дел. Д. П-80626.
2. ЦГА СПб. Ф. 491. Оп. 26. Д. 10. Л. 56, 58; Оп. 35. Д. 31. Л. 1–2, 82–83; Оп. 38. Д. 1. Л. 22; Д. 2. Л. 24–25; Ф. 512. Оп. 1. Д. 338. Л. 3; Ф. 5386. Оп. 10. Д. 4. Л. 254; Оп. 37. Д. 15. Л. 501; Ф. 6737. Оп. 1. Д. 41. Л. 15; Ф. 6830. Оп. 223. Л. 120, 121, 235.
3. *Luther G. Herdaminke for Ingermanland*. Helsingfors, 2000. S. 217; *Шкаровский М., Бовкало А.* Пастор Курт Мусс // *Der Bote*. 1996. № 314. С. 15.
4. АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-35162. Т. 1. Л. 628.
5. Там же. Т. 2. Л. 636–640; Архив Научно-информационного центра «Мемориал» (СПб.).
6. Там же. Т. 1. Л. 55.
7. Там же. Д. П-80626; ЦГА СПб. Ф. 47. Оп. 2. Д. 3. Л. 210; Д. 4. Л. 93.
8. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 112. Л. 2–34; *Алексеев В.* Цели разные, участь общая // *Агитатор*. 1989. № 21. С. 39–40.
9. АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-80626. Л. 10–26.
10. Там же. Л. 71–118.
11. Там же. Л. 13, 41–61, 121–127, 140.
12. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 60. Л. 19; Д. 232. Л. 8.
13. ГА РФ. Ф. Р-5213. Оп. 1. Д. 1107.
14. ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 51. Л. 5.